

Ампи́рные спальни

Автор:

[Брет Эллис](#)

Ампи́рные спальни

Брет Истон Эллис

Ниже нуля #2

Впервые на русском - и в блистательном переводе Василия Арканова ("Полная иллюминация" и "Жутко громко и запредельно близко" Джонатана Сафрана Фоера) - новейший роман автора бестселлеров "Информаторы" и "Американский психопат", "Правила секса" и "Лунный парк". В этой книге глашатай "поколения Икс" вернулся четверть века спустя к героям своего дебютного романа "Ниже нуля", с которым прогремел в двадцать лет. Итак, прилетев из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, где должны проходить кинопробы к фильму "Слушатели" по его сценарию (отголосок участия Эллиса в работе над экранизацией "Информаторов" в 2008 году), Клэй окунается в водоворот таинственных происшествий. Кто-то преследует его на синем джипе, кто-то засыпает анонимными зсэмэсками. все вокруг намекают на странные обстоятельства недавней гибели одного продюсера, а встреченная на новогодней вечеринке молодая актриса готова на все, чтобы попасть на кинопробы к "Слушателям"...

Брет Истон Эллис

Ампи́рные спальни

Посвящается Р. Т.

Колеса истории вечное кружение:

Вновь ответы колкие, спесь и поражение...

Элвис Костелло. Даже не верится[1 - «Beyond Belief» – первая песня альбома «Imperial Bedroom» («Ампирная спальня», 1982) английского певца и композитора Элвиса Костелло. (Здесь и далее прим. переводчика.)]

Нет опаснее ловушек, чем те, что мы ставим себе сами[2 - Перевод М. Шатерниковой.].

Рэймонд Чандлер. Долгое прощание

Про нас сделали фильм. Его сняли по книге одного из наших общих знакомых. Книга, в сущности, примитивная: четыре недели из жизни города, в котором мы выросли, сюжета нет, почти все списано с натуры. В этом, с позволения сказать, «художественном произведении» изменено всего несколько деталей, даже имена у всех настоящие, и нет ни единого вымышленного эпизода. Например, январским вечером в Малибу мы на самом деле смотрели снафф-фильм[1 - Жанр кино (как правило, порно), одним из главных элементов которого являются реалистично снятые (или документально зафиксированные) пытки и настоящее (или неотличимое от настоящего) убийство одного или нескольких героев. Родоначальником жанра считается фильм «Резня» (Slaughter, 1976), создателей которого обвиняли в убийстве актрисы в финальной сцене. Действие первого романа Эллиса, к которому апеллирует герой, происходит в начале 1980-х годов, то есть на пике популярности снафф-фильмов.], и да, я не выдержал и вышел на террасу с видом на Тихий океан, где автор меня успокаивал, уверяя, что детей никто не пытал и вопят они ненатурально, но все это с мерзкой улыбочкой, заставившей меня отвернуться. Еще примеры: моя девушка действительно сбила койота в одном из каньонов чуть ниже Малхолланд-драйв, и рождественский ужин с родителями в ресторане «Чейзен», о котором я мимоходом поведал автору, воспроизведен достоверно. Групповое изнасилование двенадцатилетней девочки тоже правда – в той комнате в Уэст-Голливуде мы с автором были вместе; в книге он отмечает, что угадал во мне «смутное отвращение», а это даже близко не передает моих истинных ощущений: вожделения, шока, робости перед автором – светловолосым парнем, всегда державшимся особняком, в которого моя девушка ухитрилась по уши втрескаться в самый разгар наших с ней отношений. Но автор не разделил ее страсти: был слишком инертен, слишком зациклен на себе, чтобы пустить в свой мир, и девушка вернулась ко мне, но опоздала, а поскольку автора уязвило, что девушка вернулась ко мне, он

сделал меня рассказчиком – обдолбанным симпатягой, не способным ни любить, ни жалеть. Так я стал тусовщиком-страдальцем, бродящим среди руин с вечно сочащейся из носа кровью, донимающим всех вопросами, не требующими ответов. Так я стал парнем, который не понимает элементарных вещей. Парнем, который не приходит на выручку другу. Парнем, который не в состоянии любить свою девушку.

* * *

Труднее всего было читать описания моих объяснений с Блэр, в особенности в сцене нашей ссоры (ближе к концу романа) на террасе ресторана с видом на бульвар Сансет, где я периодически поглядываю на рекламный щит с надписью «ВОЗЬМИ И ИСЧЕЗНИ» (автор присочинил лишь темные очки, за которыми я будто бы прячусь, говоря Блэр, что никогда ее не любил). Автор никогда не расспрашивал меня о том мучительном разговоре, но в книге он воспроизведен дословно, почему я и перестал общаться с Блэр и долго не мог слушать песни Элвиса Костелло, которые мы с ней знали наизусть («You Little Fool», «Man Out of Time», «Watch Your Step»[3 - «You Little Fool» («Глупыш») и «Man Out of Time» («Тот, чье время истекло») – песни Элвиса Костелло с альбома «Imperial Bedroom» («Ампирная спальня», 1982); «Watch Your Step» («Будь осторожен») – с альбома «Trust» («Вера», 1981).]), и да, она действительно подарила мне шарф на той рождественской вечеринке, и да, танцевала под «калчер-клавовскую» песню «Do You Really Want to Hurt Me?»[4 - «Ты и впрямь решил меня обидеть?» – третий сингл британской группы Culture Club в исполнении солиста Бой Джорджа; выпущен в 1982 г. и принес группе мировую известность.], пока я гримасничал, пародируя Бой Джорджа, и да, назвала меня «зайкой», и да, узнала, что я переспал с той девочкой, которую увез дождливой ночью из клуба «Виски», и да – узнала об этом от автора. Он не был (как я убедился, читая главы, касавшиеся меня и Блэр) по-настоящему близок ни с кем из нас (даже с Блэр, хотя с ней он, конечно, был близок). Просто волею случая попал в наш круг и, не потрудившись ни в чем разобраться, беззастенчиво вывалил на всеобщее обозрение наши тайные слабости, сделав особый упор на юношеском безразличии и мегаломаническом нигилизме, наведя на этот кошмар голливудский глянец.

* * *

Но злиться было бессмысленно. Тем более что к моменту выхода книги, весной 1985-го, автор уже покинул Лос-Анджелес. В 1982-м он поступил в тот же небольшой частный колледж в Нью-Гэмпшире, куда сбежал от калифорнийских тусовок и я и где мы практически не общались. (Действие его второго романа происходит в нашем Кэмденском колледже, и в одной из глав выведен персонаж по имени Клэй – очередная пародия, издевка, лишнее доказательство того, как он ко мне относился. Небрежная и не особенно едкая, эта карикатура была даже не укусом, а легким щипком по сравнению с первой книгой, в которой я предстаю до того зазомбированным, что даже в песне Рэнди Ньюмена «I Love L. A.»[2 - «Я люблю Лос-Анджелес» – хит американского певца, аранжировщика, композитора и пианиста Рэнди Ньюмена. Впервые появился в 1983 г. на альбоме «Trouble in Paradise» («Неприятности в раю»). Одни считают песню «I Love L. A.» гимном городу, другие – тонкой насмешкой над «калифорнийским» образом жизни.] не слышу иронии.) Его присутствие вынудило меня уже после первого курса (то есть весной 1983-го) перевестись из Кэмдена в Брауновский университет[5 - Один из старейших и наиболее престижных университетов США. Как и вымышленный Кэмденский колледж, находится на Восточном побережье, в городе Провиденс, штат Род-Айленд.] (хотя во втором романе весь осенний семестр 1985-го я все еще в Нью-Гэмпшире). Я дал себе зарок не думать об этом, но успех первой книги долго не давал мне покоя. Отчасти потому, что я тоже мечтал стать писателем и, дочитав первый роман до конца, подумал, что зря не написал его сам: все-таки это была моя жизнь, автор у меня ее просто выкрал. Но чтобы написать роман, нужны талант и драйв. И еще терпение. На одном желании далеко не уедешь. Я несколько раз брался, но быстро бросал и, выпустившись из Брауна весной 1986-го, понял, что писателя из меня никогда не получится.

* * *

Из всех нас о книге публично отозвался один лишь Джулиан Уэллс (Блэр еще не успела разлюбить автора – ей было все равно, как и большинству второстепенных персонажей), но отозвался (при всем смущении и брезгливости) как-то уж слишком бодро и заносчиво, чуть не с восторгом, хотя автор рассказал о нем все: и как Джулиан сидел на героине, и как увяз в долгах своему дилеру (Финну Делани), который, по сути, превратил его в шлюху, подкладывая в постели заезжих мужчин из Манхэттена, Чикаго и Сан-Франциско – любителей мальчиков и роскошных отелей на бульваре Сансет в промежутке между Беверли-Хиллз и Силвер-Лейк. Однажды по пьяни Джулиан сам разболтал обо всем автору, ища сочувствия, и сознание, что книга, в которой он чуть ли не

самый главный герой, пользуется таким успехом, странным образом подпитывало его самолюбие, давало надежду и, я вполне допускаю, что в глубине души книга ему даже нравилась, ибо бесстыдство Джулиана не имело границ, хоть он и косил под скромнягу. Когда осенью 1987-го, всего через два года после публикации, по книге сделали фильм, Джулиан возликовал еще больше.

* * *

Помню легкий озноб, охвативший меня теплым октябрьским вечером в просмотровом зале киностудии «Двадцатый век Фокс» за три недели до выхода фильма на экраны. Я сидел между Трентом Берроузом и Джулианом, который еще не полностью соскочил с иглы и грыз ногти, ерзая от нетерпенья в черном бархатном кресле. (Блэр вошла вместе с Аланой и Ким вслед за Рипом Милларом. Я с ней не поздоровался.) Фильм сильно отличался от книги – настолько, что словно и не по ней был снят. При всех минусах книги (боль, которую она мне доставила, предательство) в ней была правда жизни, и на просмотре я ощутил это особенно остро. Все описанные в книге события действительно со мной произошли. От книги было не отмахнуться. Без выкрутас, все честно, а фильм – просто красивое вранье. (Что, впрочем, не помогло: эффектный и лихо закрученный, но одновременно давящий и непомерно дорогой, фильм с треском провалился после выхода в прокат в ноябре.) В фильме мою роль исполнял актер, больше похожий на меня в жизни, чем на героя, которого автор вывел под моим именем в книге: я не был блондином с ровным калифорнийским загаром, и актер им не был. Вдобавок экранный я неожиданно сделался воплощением нравственности: сыпал набором клише, больше подходящих для рекламной брошюры общества «Анонимных алкоголиков», осуждал повальное увлечение наркотиками и пытался спасти Джулиана. («Я продам свою тачку, – предлагал я актеру, исполнявшему роль дилера Джулиана. – Ни перед чем не остановлюсь».) Экранная Блэр выглядела чуть более правдоподобно: актриса, которая ее играла, вполне могла вписаться в нашу компанию – такая же нервная, легкодоступная, тонкокожая. Джулиан (в исполнении талантливого актера с лицом грустного клоуна) превратился в сентиментальную версию самого себя: у него с Блэр роман, но он решает прервать отношения, чтобы не перебегать дорогу мне, своему лучшему другу. «Не обижай ее, – говорит Джулиан Кляю. – Она девчонка что надо». Вся сцена своей вопиющей лживостью должна была вызвать у автора приступ сильнейшей изжоги. Я же на этих словах экранного Джулиана не удержался от злорадной усмешки и отыскал взглядом Блэр во тьме кинозала.

* * *

По мере того как на гигантском экране разворачивались события, в притихшем зале стало нарастать недовольство. Зрители (прототипы героев книги) быстро смекнули, что произошло. Ведь студию возглавляли родители, а они не могли допустить, чтобы их детки предстали на экране в таком же неприглядном виде, как в книге, и в итоге все, что делало книгу живой, было из фильма выхолощено. Фильм добивался сочувствия к героям, а книге было на них плевать. Да и отношение к наркотикам и сексу в 1987-м резко изменилось по сравнению с 1985-м (чему во многом способствовала смена владельца студии), поэтому исходный материал (на удивление консервативный по сути, несмотря на свою кажущуюся аморальность) нуждался в переработке. Получился эдакий современный нуар восьмидесятых (кинематография, кстати, отменная), но чем дальше, тем я все чаще зевал, отмечая для себя лишь некоторые детали: то, например, как забавно изменилась трактовка образов моих родителей или как накануне Рождества Блэр застаёт своего разведенного отца в объятьях любовницы, а не парня по имени Джаред (отец Блэр умер от СПИДа в 1992-м, так и не оформив развод с ее матерью). И хотя с того просмотра в октябре прошло больше двадцати лет, ярче всего запомнилось, как Джулиан стиснул мне руку, затекшую на подлокотнике между наших кресел. Он стиснул ее, потому что в книге Джулиан Уэллс оставался жив, а по новому сценарию ему надлежало погибнуть. Расплатиться за все грехи. Этого требовала внутренняя логика фильма. (Позднее, став сценаристом, я убедился, что в кинематографии иной логики не бывает.) Когда это случилось (за десять минут до финала), Джулиан посмотрел на меня во тьме, потрясенный. «Я труп, – прошептал он. – Меня умертвили». Я выдержал паузу, потом сказал: «Но ты по-прежнему с нами». Джулиан снова перевел взгляд на экран, и вскоре картина закончилась, на фоне пальм побежали титры, мы с Блэр (полный бред!) мчались на машине в мой колледж, а Рой Орбисон надрывно стонал о скоротечности жизни[3 - Рой Орбисон (1936–1988) – американский музыкант, пионер рок-н-ролла. Известен сложными музыкальными композициями и мрачными эмоциональными балладами. На саундтреке к фильму *Less Than Zero*, о котором здесь идет речь, исполнял песню Гленна Данцига «Life Fades Away».]

* * *

Реальный Джулиан Уэллс не умер от передозировки в вишневом кабриолете, съехав на обочину шоссе посреди национального парка «Джошуа три»[4 - Joshua Tree National Park - часть пустыни Мохаве у южной оконечности хребта Сьерра-Невада (общей площадью около 226 тыс. га). Главная достопримечательность парка - растущая на всем его протяжении юкка коротколистная (по-англ. «Джошуа три») - небольшие (высотой 5-6 м) деревья с толстым изогнутым стволом и голыми причудливыми ветвями, которые заканчиваются пучком длинных, похожих на иглы листьев.] под фонограмму орущего из динамиков хора. Реальный Джулиан Уэллс был убит через двадцать с лишним лет: труп подбросили на задворки пустующего жилого дома в Лос-Фелисе[6 - Один из благополучных пригородов Лос-Анджелеса по соседству с Голливудом.], но истязали его в другом месте. Голова была проломлена (удар нанесли по лицу, причем с такой силой, что оно ввалилось внутрь), а тело превращено в месиво (лос-анджелесское отделение судебно-медицинской экспертизы насчитало сто пятьдесят три проникающих ранения (многие из них внахлест) от трех разных колющих предметов). Тело обнаружила группа ребят - студентов Калифорнийского института искусств, круживших в районе Хилхёрст-авеню на спортивном «БМВ» в поисках парковки. Увидев распластанное рядом с мусорным баком тело, они сначала приняли его за - дальше цитирую статью из «Лос-Анджелес таймс», сообщавшую об убийстве Джулиана Уэллса на первой странице раздела «Калифорния», - «флаг». Споткнувшись об это слово, начинаю перечитывать статью заново. Студенты, нашедшие Джулиана, приняли его за «флаг», потому что Джулиан был в белом костюме из коллекции Тома Форда (костюм этот он носил часто, но похитили его не в нем), а кровь, проступившая местами на пиджаке и брюках, могла создать впечатление красных полос на белом полотнище. (Джулиана раздели, перед тем как убить, а затем нарядили заново.) Но если студенты приняли тело за американский флаг, там должно было быть что-то синее. Не могло не быть синего, раз тело напоминало флаг. Наконец я сообразил: голова. Студенты решили, что это флаг, потому что от обильной потери крови проломленный череп Джулиана был не просто синим - он почернел.

Впрочем, об этом я мог бы догадаться быстрее, ибо своими руками доставил Джулиана на задворки пустующего жилого дома в Лос-Фелисе и видел все, что с ним после этого сделали, в другом, куда более страшном фильме.

* * *

Синий джип пристраивается за нами на 405-м шоссе где-то между международным аэропортом Лос-Анджелеса и выездом на бульвар Уилшир. Замечаю лишь потому, что все чаще вижу глаза водителя в зеркальце заднего вида над ветровым стеклом, в которое пьяно пялюсь со своего заднего сиденья на ряды красных габаритных огней, устремленных к холмам; из динамиков негромко льется зловещий хип-хоп; на коленях мерцает телефон, извещающая об очередном СМС от актрисы, чье присутствие изрядно скрасило время, проведенное в зале ожидания для пассажиров первого класса компании «Американ эрлайнс» в нью-йоркском аэропорту Кеннеди (я к ней клеился, она гадала мне по руке, и мы оба хихикали); еще несколько сообщений от Лори из Нью-Йорка – прочесть не могу, все плышет. Джип следует за нашим седаном по бульвару Сансет мимо особняков в гирляндах рождественской иллюминации (я нервно жую мятные драже из жестяной коробки «Алтоидс» в тщетной попытке избавиться от запаха джина изо рта), сворачивает за нами направо и берет курс на комплекс «Дохини-Плаза»[7 - Элитный жилой комплекс в Уэст-Голливуде.], точно хочет удостовериться, что мы знаем дорогу. И только когда седан заруливает на территорию комплекса и парковщик с охранником отвлекаются от своих сигарет, вглядываясь в подъехавших из-под высокой пальмы, джип притормаживает на мгновение, а затем газует и устремляется по проезду дальше в направлении бульвара Санта-Моника. Это стирает последние сомнения: меня вели. Пошатываясь, выхожу из машины и успеваю увидеть, как джип, скрипя тормозами, сворачивает на улицу Элевадо. Тепло, но почему-то знобит, хотя на мне старые треники и найковская пайта (все висит, настолько похудел осенью); рукав по-прежнему влажный (опрокинул бокал в самолете). Полночь, декабрь, возвращаюсь после четырехмесячного отсутствия.

– Я уж думал, тот джип по нашу душу, – говорит водитель, открывая багажник. – Шел за мной, как приклеенный. Всю дорогу на хвосте сидел.

– Интересно зачем? – спрашиваю я.

* * *

Ночной консьерж спускается по пандусу, ведущему к холлу, и берет чемоданы. Водитель прячет полученные от меня щедрые чаевые, садится в седан и отправляется в аэропорт за следующим клиентом, прибывающим из Далласа. Парковщик и охранник молча кивают, когда я прохожу мимо них вслед за консьержем в холл. Консьерж загружает чемоданы в лифт и говорит: «Добро

пожало...» – закрывающиеся двери отсекают последний слог его приветствия.

* * *

Идя по длинному коридору в стиле ар-деко на пятнадцатом этаже комплекса «Дохини-Плаза», ощущаю едва уловимый аромат хвои, а затем вижу веноч, водруженный на одну из створок двойной двери с номером «1508». В квартире запах усиливается: в углу гостиной, переливаясь гирляндами белых лампочек, стоит небольшая елка. На кухне записка от домработницы с перечислением трат, сделанных ею в мое отсутствие, и небольшая стопка корреспонденции, которую не успели переправить на нью-йоркский адрес. Я купил эту квартиру два года назад (выехав из меблированного особняка в «Эль-Ройаль»[8 - Комплекс гостиничного типа, сдающий меблированные комнаты и коттеджи на длительный срок.], который снимал десять лет) у родителей местного паренька из «золотой молодежи»; паренек затеял полную перепланировку, нанял дизайнера, разрушил стены, а потом внезапно умер во сне после очередного загула по ночным клубам. По просьбе родителей дизайнер довел ремонт до конца, и квартиру скоропалительно продали. Без особых изысков, выдержанная в бежевых и серых тонах, с паркетными полами и встроенными светильниками, по площади она кажется небольшой – всего 110 квадратных метров (спальня, кабинет, изящно обставленная гостиная, переходящая в футуристически-стерильную кухню), но главное ее достоинство не в этом. То, что выглядит окном во всю стену, в действительности сдвижная дверь с пятью врезанными фрамугами (они распахиваются, если надо проветрить), ведущая на широкий, облицованный белой плиткой балкон, с которого открывается фантастическая панорама Лос-Анджелеса: небоскребы даунтауна, темные пятна лесов Беверли-Хиллз, башни Сенчури-Сити и Уэствуд, а еще дальше – Санта-Моника и побережье Тихого океана. Вид величественный, но не подавляющий; не такой отстраненный, как с холма из дома одного моего знакомого в Аппиевом проезде[9 - Улица, расположенная на вершине одного из холмов в Уэст-Голливуде.]: оттуда город предстает плоским и безжизненным, похожим на плату компьютера, и от этого на душе становится еще более одиноко, чем обычно, и в голову лезут мысли о самоубийстве. С моего балкона все видно как на ладони: кажется, протяни руку – и вымажешься в сини и зелени Центра дизайна на Мелроуз[10 - Гигантский торгово-выставочный комплекс в центре Уэст-Голливуда. Состоит из двух зданий, названных по цвету стеклянных панелей, из которых они построены: Синий центр и Зеленый центр.]. Но все же достаточно высоко – можно уединиться, если надо сосредоточенно поработать. Сейчас вот небо нежно-лиловое, и даль в дымке.

* * *

Налив себе рюмку «Грей гус» (початая бутылка осталась в морозилке со дня моего отъезда в августе), тянусь к выключателю, чтобы зажечь свет на балконе, но передумываю и медленно смещаюсь в тень балконного козырька. На углу Элевадо и Дохини стоит синий джип. За его стеклами угадывается мерцание мобильного телефона. Свободная от рюмки рука непроизвольно сжимается в кулак. Смотрю на джип, и меня охватывает страх. Короткая вспышка света: кто-то прикуривает сигарету. За спиной звонит телефон. Не подхожу.

* * *

Я дал уговорить себя вернуться в Лос-Анджелес из-за кастинга на фильм «Слушатели». Продюсер, предложивший мне переработать этот трудноэкранизируемый роман в сценарий, так загорелся, когда я придумал ход, что немедленно нанял энергичного режиссера, и втроем мы всё быстренько написали (правда, чуть не рассорились при заключении контракта, ибо мой адвокат потребовал для меня копродюсерских прав). Актеров на возрастные роли уже нашли, но с молодыми все было не так очевидно, и режиссер и продюсер заявили, что я тоже должен участвовать в отборе. Но кастинг – формальный повод для моего приезда. На самом деле я просто ухватился за возможность сбежать из Нью-Йорка от всех потрясений той осени.

* * *

В кармане вибрирует мобильник. Смотрю с любопытством. СМС от Джулиана, с которым мы не общались уже больше года. «Когда прилетаешь? Уже здесь? Повидаемся?» В ту же секунду звонит городской. Перехожу в кухню и смотрю на определитель номера. «АБОНЕНТ НЕИЗВЕСТЕН. НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЕН». После четырех звонков телефон умолкает. Снова поворачиваюсь к окну: дымка сгущается, наползая на город, обволакивая дома.

* * *

Иду в кабинет, свет не включаю. Проверяю почту во всех ящиках: напоминание про обед с немцами, финансирующими проект; очередное совещание у режиссера; мой агент умоляет, чтобы я не затягивал с пилотом для «Сони»; пара молодых актеров спрашивают про кастинг в «Слушатели»; россыпь приглашений на рождественские вечеринки; тренер из «Эквинокса»[11 - Сеть элитных спортивных залов по всей Америке.] узнал от кого-то из посетителей, что я в городе, и предлагает возобновить занятия. Чтобы заснуть, принимаю две таблетки амбиена[12 - Снотворный препарат, отпускающийся только по рецепту.] – водки явно недостаточно. Когда перемещаюсь в спальню и выглядываю в окно, джип отъезжает, сигналив фарами, поворачивает на Дохини и мчит по направлению к бульвару Сансет; в шкафу осталось несколько вещей девушки, успевший обжиться здесь прошлым летом, – мне по-прежнему больно представлять ее в чужих объятьях. Очередное СМС от Лори: «Но я тебе еще нужна?» В квартире неподалеку от Юнион-сквер в Нью-Йорке почти четыре утра[13 - По времени Нью-Йорк на три часа «опережает» Лос-Анджелес.]. Сколько народу выкосило в прошлом году: случайная передозировка, автокатастрофа в Ист-Хэмптоне, внезапная болезнь. Люди просто исчезли. Я засыпаю под музыку, доносящуюся из «Аббатства»: сквозь неровный гомон гейбара прорывается песня из прошлого «Hungry Like the Wolf»[14 - «Голоден как волк» – песня группы Duran Duran с альбома «Rio» (1982), их первый американский хит.], ненадолго превращая меня одновременно и в юношу, и в старика. Печаль разлита повсюду.

* * *

Вечером следующего дня я на премьере в «Китайском театре»[5 - «Китайский театр Граумана» – кинотеатр на бульваре Голливуд, построенный в 1927 г. импресарио Сидом Грауманом; в нем традиционно проходят важные премьеры, перед ним расположена знаменитая «Аллея славы» с отпечатками рук или ног кинозвезд.]: очередная сага про столкновение добра со злом – завязка добротная, а конец провисает, что лишь разжигает предоскарские аппетиты студии (в сущности, кампания по скупке наград уже начата); я тут с режиссером и продюсером «Слушателей»; в общем потоке мы медленно дрейфуем через Голливудский бульвар на постпремьерную вечеринку в отеле «Рузвельт»[15 - Отель «Рузвельт» открылся в 1927 г. Известен, прежде всего, тем, что в нем проходила первая церемония вручения премии «Оскар».], где вход плотно облеплен папарацци, и я немедленно заказываю выпивку, продюсер исчезает в уборной, а режиссер, стоя рядом со мной у барной стойки, говорит по телефону с женой, которая звонит из Австралии. Когда глаза привыкают к полутьме, я

начинаю улыбаться в ответ на улыбки незнакомых людей, и страх возвращается, всходит, как на дрожжах, постепенно заполняя собой все пространство: он в грядущем успехе только что виденного фильма, в вопросах молодых актеров о возможных ролях в «Слушателях», в СМС, которые они посылают, отступая во мглу похожего на грот фойе (только лица продолжают мерцать, подсвеченные экранами мобильных), в напыленных загарах и выбеленных зубах. «Последние четыре месяца я был в Нью-Йорке», – повторяю, как мантру, с присохшей к губам улыбкой. Наконец из-за рождественской елки выныривает продюсер со словами: «Сваливаем отсюда» – и приглашает на пару вечеринок на холмах, а Лори бомбардирует СМС из Нью-Йорка («Эй. Ты»), и я не могу отделаться от ощущения, что кто-то в этой комнате за мной следит. Автоматная очередь фотовспышек заставляет отвлечься, но ползучий страх возвращается вместе с внезапно возникшей уверенностью: тот, кто находился вчера вечером в синем джипе, сейчас в толпе.

Летим в продюсерском «порше» на первую из двух вечеринок, упомянутых Марком, – сначала на запад по бульвару Сансет, потом по Дохини; режиссер мчит следом на черном «ягуаре»; миновав «птичьи» улицы[16 - Район Беверли-Хиллз, где все улицы носят названия птиц.], подкатываем к парковщику. Стою у барной стойки, окруженной наряженными елочками в горшках; притворяюсь, что слушаю модного молодого актера, бесконечно перечисляющего названия фильмов, в которых он будет сниматься в новом году; пьяно пялюсь на его сногшибательную спутницу; из динамиков грохочут рождественские песни U2; несколько молодых парней в костюмах «Band of Outsiders»[17 - Линия модной одежды дизайнера Скотта Штернберга.] на низком диванчике цвета слоновой кости по очереди втягивают кокаин со стеклянной поверхности длинного журнального столика, и, когда один из них предлагает мне присоединиться, я отказываюсь, хотя и тянет, но мне ли не знать, к чему это приведет. Продюсер поддал и рвется на вечеринку в Бель-Эйр; я тоже пьян и даю уговорить себя ехать с ним, несмотря на смутное ощущение, что и здесь кого-нибудь склею. У продюсера виды на другую вечеринку, там нужные люди, польза делу, статусное мероприятие; не вслушиваясь, я смотрю на парней, плавающих в подогретом бассейне (им от силы по восемнадцать), на девушек в стринг-бикини и на высоких каблуках, разгуливающих вокруг джакузи, словно ожившие статуи, мозаика молодости – мир, где меня больше нет.

* * *

В особняке на вершине холма в Бель-Эйр продюсер куда-то растворяется, а я перехожу из комнаты в комнату, пока не натыкаюсь на Трента Берроуза, отчего теряю ощущение реальности и больше не чувствую себя своим на этом празднике жизни, а потом ясно осознаю, что попал в дом Трента и Блэр. Поскольку изменить ничего нельзя, остается надраться. Благо что не за рулем. Трент стоит с кастинг-менеджером и двумя агентами – все геи, но один обручен с женщиной, а двое других скрывают. Я знаю, что Трент спит с агентом помоложе (блондин с неестественно белыми зубами, безупречный красавец, но начисто лишен шарма). Тренту Берроузу мне сказать нечего, но окончательно убеждаюсь в этом, произнося: «Последние четыре месяца я был в Нью-Йорке». Рождественская мелодия в стиле нью-эйдж не способствует сближению. Внезапно я уже ни в чем не уверен.

Трент смотрит на меня, кивая, слегка озадаченный моим появлением. Теперь его очередь говорить.

– Тебя можно поздравить со «Слушателями». Все-таки запускают.

– Похоже на то.

Сдвинув диалог с мертвой точки, мы обращаемся к сомнительной теме нашего условно общего знакомого по имени Келли.

– Келли пропал, – говорит Трент, вдруг становясь серьезным. – Ты что-нибудь слышал?

– Надо же! – машинально восклицаю, но вовремя спохватываюсь. – Подожди, как пропал?

– Очень просто. Как пропадают? Его никто не может найти.

Пауза.

– Каким образом?

– Поехал в Палм-Спрингс, – говорит Трент. – Не исключено, что подцепил кого-то в Сети.

Трент ждет реакции. Я смотрю, не мигая. Потом понижаю голос:

- Странная история. За ним такое водилось?

Словно убедившись в чем-то, Трент не в силах скрыть отвращения.

- Водилось? Нет, Клэй, ничего «такого» за ним не водилось.

- Трент...

Трент отходит, бросая через плечо:

- Его, скорее всего, убили, Клэй.

* * *

На веранде с видом на громадный, обсаженный пальмами бассейн (стволы пальм увиты гирляндами белых лампочек, и бассейн тоже с подсветкой) я курю сигарету, пробегая глазами очередное СМС от Джулиана. Боковым зрением фиксирую тень, медленно отделяющуюся от темноты, отрываюсь от телефона, и это такой киношный момент (ее красота и моя реакция), что я невольно начинаю смеяться, а она стоит и смотрит с улыбкой, то ли слегка под кайфом, то ли пьяная в стельку. Таких девиц я обычно побаиваюсь, но эта меня не пугает. Блондинка с простоватым лицом; красота, типичная для среднезападных штатов, сугубо американская – не в моем вкусе. Безусловно, актриса (девочки с равнин в Калифорнию с другой целью не приезжают), стоит и разглядывает меня, точно бросая вызов. Я его принимаю. Спрашиваю, чуть подаваясь вперед:

- Девочка, хочешь сниматься в кино?

Она по-прежнему улыбается:

- А что? У вас для меня есть роль?

Но в следующий миг улыбка застывает и гаснет, и взгляд устремлен не на меня, а вверх.

Я оборачиваюсь, щурясь на приближающуюся женскую фигуру: яркий свет за стеклами веранды мешает ее разглядеть.

Когда поворачиваюсь обратно, девушка удаляется, гибкий силуэт невесомо парит в мерцающем свете бассейна, из темноты доносится плеск фонтана, секунда – и ее больше нет.

– Кто это? – спрашивает Блэр.

– С Рождеством.

– Зачем ты здесь?

– Пригласили.

– Неправда. Никто тебя не приглашал.

– Друзья привезли.

– Друзья? Поздравляю.

– С Рождеством. – Больше мне сказать нечего.

– С кем ты сейчас разговаривал?

Я отворачиваюсь и смотрю в темноту.

– Не знаю.

Блэр вздыхает.

– Я думала, ты в Нью-Йорке.

– То там, то тут.

Молчит. Вглядывается в меня.

- Да, - говорю. И потом: - Ты все еще счастлива с Трентом?

- Зачем ты здесь? С кем ты?

- Я не знал, что мы едем к вам, - говорю, отводя глаза. - Прости.

- Почему ты никогда не знаешь самых важных вещей?

- Потому что ты уже два года со мной не разговариваешь.

* * *

В следующем СМС Джулиан сообщает, что ждет меня в «Поло-паундж»[18 - Бар в отеле «Бeverли-Хиллз», известный тем, что там всегда можно встретить какую-нибудь голливудскую знаменитость.]. Домой неохота, и я прошу продюсера высадить меня у отеля «Бeverли-Хиллз». На открытой террасе за столиком возле лампы для обогрева сидит Джулиан; голова опущена, на лице мерцающий отблеск - строчит СМС. Отправляет, видит меня и улыбается. Не успеваю сесть, как появляется официант, и я прошу «Бельведер» со льдом. Вопросительно смотрю на Джулиана, он постукивает пальцем по бутылке воды «Фиджи» (я заметил ее, но не придавал значения) и говорит: «Мне не надо».

Выдерживаю паузу, переваривая услышанное.

- Потому что... ты за рулем?

- Нет, - говорит он. - Я уже больше года в завязке.

- Неслабо.

Джулиан смотрит на свой телефон, потом опять на меня.

- И как? - спрашиваю.

- Трудно. - Он пожимает плечами.

- Но жизнь стала краше?

- Клэй...

- Здесь курят?

Официант приносит бокал с водкой.

- Как премьера? - спрашивает Джулиан.

- Ни одной живой души.

Я вздыхаю, разглядывая бокал.

- Надолго сюда?

- Пока не знаю.

Он заходит на второй круг.

- Что со «Слушателями»? - спрашивает с неожиданным интересом, пытаюсь втянуть меня в разговор.

Сверлю его взглядом, отвечаю уклончиво:

- Вроде, сдвинулось. Ищем актеров, - выдерживаю длинную паузу, залпом осушаю бокал, закуриваю. - Продюсер и режиссер почему-то решили, что сами не справятся. Вытащили меня. Творцы, - делаю глубокую затяжку. - Бред, в общем.

- А по-моему, не бред, - говорит Джулиан. - Значит, с тобой считаются, - останавливается, словно ища слова. - Я бы к этому так легкомысленно не относился. Ты же еще и продюсер, а значит...

Не дослушав, перебиваю:

– Тебе-то что с этого?

– Ничего, просто большое дело...

– Какое дело, Джулиан? – говорю я. – Что тебе с этого? Обычный фильм.

– Для тебя, может, и обычный.

– В смысле?

– А для кого-то необычный, – говорит Джулиан. – Для кого-то это шанс.

– Вон оно что. Давно с вампирами не общался?

В зале ресторана пианист играет джазовые импровизации на тему рождественских гимнов. Концентрируюсь на них. Я уже в отключке. В мертвой зоне, из которой меня не выманить до утра.

– Как там дела у твоей девушки? – спрашивает он.

– У Лори? В Нью-Йорке?

– Нет, той, что здесь была. Прошлым летом, – выдерживает паузу. – Актрисы.

Надо бы потянуть, но не получается. Бросаю буднично:

– Меган.

– Меган, – повторяет он, точно припоминая имя. – Вот-вот.

– Понятия не имею.

Я поднимаю бокал и встряхиваю лед.

Взгляд Джулиана невинен, брови слегка на взлете. Не иначе чем-нибудь сейчас огорошит. Вдруг понимаю, что однажды на этой террасе, за этим же столиком, я сидел с Блэр – так давно, что, кажется, в другой жизни, о чем вряд ли бы вспомнил, если бы мы не встретились с ней сегодня.

– Опять уходим от темы, Джулиан, – говорю со вздохом. – Пойдешь на третий заход?

– Слушай, тебя тут давно не было...

– Почему ты вообще о ней спрашиваешь? – говорю, свирепея. – Мы тогда не общались.

– Ты чего? – удивляется он. – Мы виделись прошлым летом.

– Кто тебе сказал про Меган Рейнольдс?

– Не помню. Кто-то. Что ты ей помогаешь... протезируешь...

– Я ее дрючил, Джулиан.

– А она сказала, что...

– Плевать, что она сказала, – встаю. – Все вранье.

– Сядь, – вкрадчиво говорит он. – Не вранье, а шифр.

– Вранье! – рычу, вдавливая окурок в пепельницу.

– Просто особый язык, который надо освоить, – говорит он. И потом заботливо: – Сядь и закажи кофе – бодрит. – Пауза. – Чего ты злишься?

– Я пошел, Джулиан. – И действительно начинаю двигаться к выходу. – Как обычно, пустая трата времени.

Синий джип следует за мной от отеля «Бeverли-Хиллз» до того места, где я выхожу из такси напротив комплекса «Дохини-Плаза».

* * *

За семь часов моего отсутствия в квартире произошли неуловимые изменения. Звоню консьержу, стоя над письменным столом в кабинете. Компьютер включен. Уходя, я его выключил. Смотрю на стопку бумаг рядом с монитором. Когда консьерж берет трубку, смотрю на нож для вскрытия конвертов, лежащий поверх стопки. Уходя, я убрал его в верхний ящик стола. Разъединяюсь, ничего не сказав консьержу. Иду по квартире, спрашивая: «Кто здесь?» Наклоняюсь над кроватью в спальне. Провожу рукой по покрывалу. Чужой запах. В третий раз проверяю дверь. Заперта. Долго (слишком долго) смотрю на елку в гостиной, затем иду по коридору к лифту и спускаюсь в холл.

* * *

Ночной консьерж сидит за стойкой в холл – освещение приглушено. Иду к нему, не совсем понимая зачем. Он отрывает взгляд от портативного телевизора.

– Ко мне никто не заходил? – спрашиваю. – Вечером? Пока меня не было?

Консьерж просматривает журнал записи посещений.

– Нет. А что?

– Похоже, кто-то у меня побывал.

– В каком смысле? – уточняет консьерж. – Я не понимаю.

– Мне кажется, что в мое отсутствие кто-то поднимался в квартиру.

– Я здесь неотлучно, – говорит консьерж. – К вам никто не поднимался.

Стою с идиотским видом. Слушаю рокот вертолета, пролетающего над зданием.

– Да и как бы он поднялся: лифт без ключа не открывается, а ключ у меня, – говорит консьерж. – И Бобби вон снаружи дежурит. – Кивок в сторону охранника, привалившегося к косяку у подъезда. – Вы уверены, что вам не показалось? – В голосе появляется усмешка. Видно, только сейчас заметил, что я нетрезв. – Может, глюк? – подмигивает.

«Не заводись, – приказываю себе. – Забудь. Спусти на тормозах. Иначе такое начнется...»

– Вещи переставлены, – бурчу. – Компьютер включен...

– Что-нибудь пропало? – спрашивает консьерж, теперь уже откровенно паясничая. – Хотите, чтобы я вызвал полицию?

Бросаю сдержанно:

– Нет, – и потом тверже: – Нет.

– Такая спокойная ночь.

– Ммм, – мычу я, ретируясь к лифту. – Вот и прекрасно.

* * *

Актриса, проходившая утром кастинг, соглашается составить мне компанию на ланч в «Сотте ?а»[19 - Популярный ресторан французской кухни в Уэст-Голливуде.]. Стоит ей появиться в лофте нашего кастинг-директора в Калвер-Сити, как я ощущаю исходящую от нее угрозу, отчего голова идет кругом, вытесняя страх, что позволяет выглядеть скучающим и расслабленным. Ко мне не обращался ни ее агент, ни представляющая ее компания – я не знаю, чья она протеежка (если б знал, все было бы иначе). Изначальную неловкость преодолели, но напряжение все равно остается. Она потягивает шампанское; на мне темные очки; она то и дело поправляет прическу, уклончиво рассказывая о своей жизни. Живет в Елисейском Парке[20 - Один из ближних пригородов Лос-Анджелеса.]. Работает метрдотелем в «Формоза-кафе»[21 - Бар и ресторан на бульваре Санта-Моника в Уэст-Голливуде. В прошлом – центр притяжения голливудских звезд, ныне больше притягивает туристов.]. Откидываюсь на спинку стула, пока она

отвечает на СМС. Заметив это, извиняется. Без жеманства, но очень продуманно. Она из породы тех, кто ничего не делает просто так.

- Какие планы на Рождество? - спрашиваю.

- Родители.

- Что-то некреативно.

- Как есть, - смотрит на меня с легкой усмешкой. - А что?

Пожимаю плечами:

- Ничего. Просто интересуюсь.

Снова поправляет прическу: волосы светлые, с химической завивкой. Когда промакивает губы, на салфетке остается бледный след от помады. Небрежно рассказываю про вчерашние вечеринки. Актриса под впечатлением, особенно при упоминании первой. Говорит, что туда ходили ее друзья. Говорит, что и сама собиралась, но не смогла из-за работы. Называет имя модного молодого актера и спрашивает, был ли он там. Когда говорю, что был, выражение лица выдает ее с потрохами. Тушуетя.

- Извините, - говорит. - Он идиот.

Потом добавляет, что половина гостей на вечеринке - фрики; упоминает наркотик, название которого мне незнакомо; рассказывает страшилку, в которой фигурируют лыжные маски, зомби, фургон, цепи и некая тайная секта; спрашивает про латинос, исчезнувшую в пустыне. Называет имя не известной мне актрисы. Я концентрируюсь, цепляясь за свое первое впечатление, боясь разрушить иллюзию. Речь почему-то заходит о фильме «Личины» по моему сценарию. И тут пазл складывается: она для того и спросила про модного молодого актера со сногшибательной спутницей, которую я практически изнасиловал взглядом, чтобы перевести разговор на фильм «Личины»: у него там была небольшая роль. «Не стоит об этом». Смотрю на машины, проезжающие по Мелроуз. «Я там недолго пробыл - меня ждали на другой вечеринке». И вдруг вспоминаю блондинку, выступающую из темноты в Бель-

Эйр. Странно, что до сих пор ее помню, что этот кадр по-прежнему перед глазами.

– Как вам кажется, проба прошла удачно? – спрашивает актриса.

– По-моему, супер, – говорю. – Лучше не бывает.

Она смеется, довольная. На вид ей лет двадцать. А может, тридцать. Не угадаешь. Когда знаешь наверняка – неинтересно. Рок. «Рок» – вот слово, занозой засевшее в мозгу. Актриса полупшепотом повторяет начало монолога из «Слушателей», с которым пришла на кастинг. Прежде, чем приглашать на ланч, я убедился, что режиссер и продюсер не видят ее в этой роли. Только поэтому она здесь, сколько раз это уже повторялось, и я думаю, что вечером надо опять на премьеру и что в шесть встречаюсь с продюсером в Уэствуде. Смотрю на часы. Времени еще предостаточно. Актриса допивает шампанское. Предупредительный и красивый официант вновь наполняет бокал. Я не пью, нет необходимости, нечто за этим ланчем возбуждает сильнее алкоголя. Теперь ход за ней, если она рассчитывает хоть на какое-то продолжение.

– Ты счастлив? – вдруг спрашивает она, сжигая мосты.

Изобразив изумление, отвечаю:

– Да. А ты?

Она наклоняется вперед, оказывается совсем рядом.

– Все в твоих руках.

– Тогда пошли? – смотрю ей прямо в глаза.

Следующий час мы проводим в спальне моей квартиры на пятнадцатом этаже комплекса «Дохини-Плаза». Этого более чем достаточно. Под конец она говорит, что не знает, на каком она свете. Я говорю, что не важно. Тогда она говорит, что у меня красивые руки. Краснею.

* * *

Премьера в «Виллидже», а постпремьерная вечеринка (продуманная и со вкусом) в отеле «W». (Изначально она планировалась в «Напа-Вэлли грил», но из-за большого наплыва желающих была перенесена в менее престижное, но более просторное помещение.) Необходимость смотреть, как люди надрывно вопят и рыдают на протяжении двух с половиной часов, способна кого угодно загнать в депрессию, хотя фильм мне, в общем, понравился: снят хорошо, и сюжет выстроен (большая редкость!), а что чуть не уснул от скуки – так это мои проблемы. Стою у бассейна, беседую с молодой актрисой о различных методиках голодания и йоге и о том, как ее «вштыривает» от мысли, что она сыграла женщину, способную принести себя в жертву, и робость, почудившаяся мне поначалу в больших спокойных глазах, вселяет надежду на продолжение. Но потом допускаю оплошность, и вместо робости – знакомая подозрительность с примесью вязкого любопытства (здесь у всех такой взгляд), и актриса куда-то отчаливает, а я стою в толпе, смотрю на здание отеля, сжимаю в кулаке телефон и зачем-то считаю, сколько окон освещено, а сколько темных, и потом понимаю, что за несколькими из них в разные годы занимался сексом с пятью разными людьми, один из которых мертв. Мимо проносят поднос с закусками – беру суши. «Все-таки состоялось», – говорю одному из студийных боссов, без поддержки которого фильм не запустили бы в производство. Режиссер тоже старый знакомый, Дэниел Картер, мы вместе учились на первом курсе в Кэмдене, но видимся редко, а в последнее время он вообще меня избегает. Теперь ясно почему: с ним Меган Рейнольдс. Что ж, значит, не суждено ему услышать моих лживых восторгов. Дэниел продал свой первый сценарий, когда ему было двадцать два, и с тех пор с карьерой у него все в порядке.

– Одета как подросток, – говорит Блэр. – То есть по возрасту.

Покосившись на Блэр, продолжаю смотреть сквозь толпу на Меган и Дэниела.

– Только сейчас не начинай.

– Каждому свое, да?

– Твой муж меня ненавидит.

– Вовсе нет.

– Там была одна девушка на твоей вечеринке. – Потребность спросить о ней почти физическая, не могу побороть. Поворачиваюсь к Блэр. – Не суть.

– Я слышала, ты вчера с Джулианом встречался, – говорит Блэр. Взгляд устремлен в бассейн, на дне которого гигантским поблескивающим курсивом выведено название фильма.

– Слышала? – закуриваю. – Слышать ты могла, только если Джулиан тебе рассказал.

Блэр молчит.

– Значит, продолжаете поддерживать отношения? – спрашиваю. – Почему? – Выдерживаю паузу. – Трент знает? – Еще одна пауза. – Или это так... мелочи жизни?

– Еще вопросы будут?

– Странно, что ты вообще со мной заговорила.

– Просто хочу предостеречь. Вот и все.

– Предостеречь? От чего? – спрашиваю я. – Слава богу, не первый день знаком с Джулианом, как-нибудь разберусь.

– Неужели так трудно? – говорит она. – Если он позвонит, скажи, что не можешь встретиться, вот и все. Очень обяжешь.

И потом добавляет с нажимом:

– Сделай это для меня.

– Чем он вообще занят в последнее время? Говорят, его фирма предлагает эскорт-услуги несовершеннолетних. – Выдерживаю паузу. – Круг замкнулся.

– Слушай, я тебя прошу о крошечном одолжении. Пожалуйста.

– Нет, ты всерьез? Или это просто повод возобновить отношения?

– Мог бы позвонить. Мог бы... – Ее голос срывается.

– Я пробовал, – говорю. – Но ты была в ярости.

– Не в ярости, – говорит она. – Просто... разочарована. – Теперь ее очередь держать паузу. – Плохо пробовал.

Некоторое время мы молчим: сколько похожих разговоров у нас с ней было; я думаю про блондинку на веранде и пытаюсь угадать, о чем думает Блэр. Наверное, про меня и наш последний раз в постели. Этот контраст должен бы, по идее, огорчить, но не огорчает. А потом Блэр заводит разговор с парнем из Ассоциации калифорнийских выпускников, и вступает оркестр, и я ухожу, сославшись на «слишком громко», хотя на самом деле потому, что пришло СМС: «Я за тобой слежу».

* * *

У стойки парковщика перед входом в гостиницу Рип Миллар хватает меня за локоть в тот самый миг, когда отсылаю: «Кто это?» – и я невольно отдергиваю руку, настолько пугающая его внешность.

Узнать Рипа невозможно. Лицо неестественно гладкое, подтянутое пластическим хирургом до такой степени, что глаза округлились и не способны выражать ничего, кроме перманентного изумления; не лицо, а маска, вплавленная в лицо, и смотреть на нее мучительно. Губы слишком толстые. Кожа оранжевая. Волосы выкрашены под платину и прилизаны гелем. Можно подумать, что Рипа обмакнули в раствор с кислотой: кое-что отвалилось, кожа сошла. Вид вызывающий, почти гротесковый. Наверняка обдолбан, иначе как с такой внешностью? С Рипом девочка, совсем ребенок, очевидно дочь, хотя я тут же вспоминаю, что Рип бездетен. Присмотревшись, вижу, что и над «девочкой» поработали (не иначе, тот же хирург) – лицо не просто испорчено, а изуродовано. Прежде Рип был красавец, а теперь от «прежде» не осталось ничего, кроме голоса – все тот же ползучий шепот, от которого кровь стыла в жилах, когда нам было по девятнадцать.

- Привет, Клэй, - говорит Рип. - Каким ветром тебя надуло?

- Попутным, - говорю. - Я тут живу.

То, что некогда было Рипом, смотрит на меня изучающе.

- Я думал, ты в основном в Нью-Йорке.

- И тут и там.

- Говорят, ты встретил мою знакомую.

- Кого?

- О-о, - тянет он, и жутковатая ухмылка оголяет ровный ряд нечеловечески белых зубов. - Говорят, ты на нее запал.

Я хочу поскорее уйти. Страх душит. Черный «БМВ» возникает, как материализовавшаяся мечта. Парковщик придерживает дверь. Чудовищное лицо вынуждает меня смотреть куда угодно, только не на него.

- Я поехал, - говорю, вяло кивая в сторону машины.

- Давай поужинаем, раз уж все равно встретились, - говорит Рип. - Seriously.

- Хорошо, в другой раз обязательно.

- Descansado, - бросает он.

- Что это значит?

- Descansado, - шепчет Рип, прижимая к груди дитя. - Это значит «не бери в голову».

- Да?

– Значит, расслабься.

* * *

История повторяется. Позвонив в эскорт-сервис, лезу в холодильник за бутылкой белого вина и обнаруживаю, что кто-то допил мою диетическую колу и перетасовал на полках свертки и баночки. Говорю себе: «Это невозможно» – и, осмотрев квартиру на предмет дополнительных улики, убеждаюсь, что действительно невозможно. Но потом взгляд падает на елку, а слух улавливает тихое постукивание, точно костяшками по стеклу: кто-то выдернул из розетки штепсель одной из электрогирлянд, и теперь на освещенном дереве зловещий черный прочерк. Это уже точно неспроста. Это предупреждение. Тот, кто его сделал, вступает со мной в диалог. Выпиваю рюмку водки. Залпом. Потом вторую. Печатаю: «Кто это?» Через минуту получаю ответ, уничтожающий зыбкое спокойствие, привнесенное алкоголем: «С меня взяли слово, что не скажу». Номер заблокирован.

* * *

Иду по моллу «Гроув» на ланч с Джулианом, приславшим СМС, что он за столиком рядом с «Пинкберри» в ресторане «Базар». «Пустая трата времени – или я ослышался?» – пришло в ответ на мой утренний мейл. «Может, и пустая, но все равно давай встретимся», – написал я. Стараюсь не думать о том, что за мной следят. Не отвечаю на СМС «Я за тобой слежу», приходящие с заблокированного номера. Уговариваю себя, что это проделки паренька-призрака, в квартире которого живу. Так проще. Утром в моей постели спала девушка, присланная эскорт-сервисом. Я ее растолкал, сказав, чтобы ушла до прихода домработницы. На кастинге смотрели одних парней; не могу сказать, что скучал, но нужды во мне явно не было. В машине ставлю The National[22 - Бруклинская рок-группа, известная пронзительной лиричностью своих песен.], слова песен – как пояснительный комментарий ко всему, что попадает в раму ветрового стекла («. соси лишь ты, хули там...»[23 - Рассказчик ослышался. В действительности солист группы Мэтт Берингер поет: «...осилишь ты, хулиган...» Цитируется песня «Racing Like a Pro» с альбома «Boxer» (2007).] на фоне цифрового табло, рекламирующего новый мультфильм студии «Пиксар»), и страх постепенно перерастает в немую ярость и, не найдя выхода, мутирует в ставшую привычной печаль. Стоя на светофоре, отчетливо вижу, как рука Дэниела опускается на талию Меган Рейнольдс. Потом вижу блондинку на

веранде. Мысль о ней затмевает все остальные.

* * *

– Ты знал про Меган Рейнольдс и Дэниела, – говорю. – Я их вчера увидел. Ты знал, что прошлым летом она была со мной. А теперь – с ним.

– Все знают, – говорит Джулиан рассеянно. – Делов-то.

– Я не знал, – говорю. – Все? В каком смысле?

– В том смысле, что и ты бы знал, если бы хотел.

Я перехожу к главному (ради чего, собственно, и сижу с ним сейчас в «Базаре»). Спрашиваю про Блэр. Он отвечает не сразу. Обычно открытое лицо вдруг делается непроницаемым.

– Ну, допустим, встречались, – произносит он наконец.

– Любовь или просто перепихнуться?

– Не «просто перепихнуться».

– Блэр не хочет, чтобы ты мне о чем-то рассказывал, – говорю. – Просила тебя избегать. Предостерегала.

– Блэр просила меня избегать? Предостерегала? – Он вздыхает. – Значит, все еще не простила.

– Чем же ты так ее обидел?

– А она не сказала? – спрашивает.

– Нет, – говорю. – Я не спросил.

Джулиан бросает на меня отрывистый взгляд, в котором мне чудится беспокойство.

– Я порвал с Блэр. Из-за другой. Не думал, что она так остро это воспримет.

– Что за другая?

– Актриса. Работает в ночном клубе на Ла-Сьенега.

– Трент знал о вас?

– Ему до фонаря, – говорит Джулиан. – Почему ты спрашиваешь?

– Потому что, когда я спал с Блэр, ему не было до фонаря, – говорю. – До сих пор остыть не может. Хотя, казалось бы, с каких дел? Сам-то тоже... не без маленьких слабостей.

– Как раз это легко объяснить.

– Да? Ну объясни.

– Блэр тебя любит.

Джулиан на миг замолкает, а потом говорит скороговоркой:

– Слушай, у них семья. Дети. Худо-бедно притерлись. Я не должен был туда лезть, но... не думал, что могу ее ранить. – Он умолкает, словно осекшись. – В конце концов, по-настоящему ее всегда ранил только ты.

И потом добавляет, помолчав:

– Один ты ее ранил.

– Да, – говорю, – в этот раз так ранил, что почти два года со мной не разговаривала.

– А моя история... Ну, как сказать? Банальная, что ли. Можно было без нервов. Запал на молоденькую и...

Тут Джулиан словно вспоминает о чем-то:

– Как, кстати, сегодня кастинг? Нашли парня?

– Откуда ты знаешь, что мы отбирали парней?

Джулиан называет имя одного из актеров, приходивших утром.

– Не думал, что ты тусуешься с двадцатиднолетними.

– Я здесь живу, – говорит он. – И ему не двадцать один.

* * *

Подбрасываю Джулиана к его «ауди», запаркованной на стоянке рядом с Ферфакс-авеню. Мне снова надо на кастинг; он прощается, предлагая повторную встречу, и я понимаю, что не задал ни одного вопроса про его жизнь, хотя, по большому счету, зачем? Когда он хлопает дверцей, бросаю:

– Слушай, а что с Рипом?

Реакция на имя мгновенна: лицо Джулиана становится подчеркнуто безразличным.

– Я-то откуда знаю? – говорит. – Нашел кого спрашивать.

– Ходячий кошмар, – говорю. – Хорошо хоть слюни изо рта не висят. Кровавые.

– Говорят, он унаследовал кучу денег. От деда. – Джулиан покусывает губу. – Скупает недвижимость. Ночной клуб хочет открыть в Голливуде...

В голосе Джулиана проскальзывает досада. Так-так, это что-то новенькое. Но он переключается на рассказ о секте, члены которой доводят себя голоданием до полного истощения (типа, в этом весь торч, типа, кто дольше выдержит), и якобы Рип Миллар как-то с ней связан.

– Рип еще намекнул, что я встретил его знакомую, – говорю я.

– Имя не называл?

– Я не спросил. Какая мне разница.

Джулиан приглаживает волосы, и я замечаю, что рука его слегка подрагивает.

– Только Блэр не говори, что мы виделись, ладно? – прошу я.

Взгляд Джулиана тускнеет.

– Мы не общаемся.

Вздыхаю:

– Слушай, не гони. Она сказала, что знает про «Поло Лаундж».

– Я не разговаривал с Блэр с июня. – Джулиан абсолютно расслаблен. Смотрит прямо в глаза. – Мы уже шесть месяцев инкоммуникадо.

Выражение его лица настолько невинно, что я ему почти верю. Но все-таки не до конца, и, заметив это, он добавляет:

– Я не говорил ей про «Поло Лаундж».

* * *

В перерыве прослушиваю сообщение от Лори на автоответчике мобильного («Если не хочешь разговаривать, хотя бы объясни, поче...»), стираю на

полуфразе. Залы комплекса, где проходит кастинг, расположены по периметру бассейна, и в каждом не протолкнуться от парней и девушек, претендующих на три оставшиеся роли. К роли сына Кевина Спейси неожиданно проявил интерес молодой актер, чей последний фильм «произвел настоящий фурор на кинофестивале в Торонто», так что она с аукциона снята. Из десятков отсмотренных вчера кандидатов на роль второго парня только один устроил всех, да и то с оговорками. С девушками все намного хуже: Джону (режиссеру) никто не нравится. Фильм про восьмидесятые, и у него бзик на фигурах.

– Просто не знаю, что делать, – говорит. – Нормальных фигур не осталось.

– В смысле? – спрашивает продюсер.

– Худые слишком. И силиконовые сиськи не помогают.

Джейсон (кастинг-директор) говорит:

– Сиськи помогают. Но в целом ты прав.

– Я вообще не понимаю, о чем вы, – холодно бросает продюсер.

– Они все какие-то заморенные, – говорит режиссер. – Тогда иначе выглядели, Марк.

Разговор сворачивает на актрису, которая отключилась, не дойдя до машины после вчерашнего кастинга (стресс, анорексия), а затем на молодого актера, претендующего на роль сына Джеффа Бриджеса. «Так как насчет Клифтона?» – говорит режиссер. Джейсон пытается заинтересовать его другими возможными кандидатами, но Джона не свернешь.

Клифтон мне прекрасно знаком: когда-то я активно пропихивал его в «Личины», но сначала, узнав, что он спит с актрисой, на которую я давно облизывался, предложил заехать ко мне в комплекс «Дохини-Плаза», к чему этот наглец не проявил ни малейшего интереса – дескать, ради своей девушки, он бы еще подумал, а так – нет. Пришлось популярно объяснить Клифтону, во что ему обойдется моя поддержка. Актер окинул меня отморозенным взглядом в коктейль-баре ресторана на Ла-Сьенега. «Мальчиками не интересуюсь, – сказал

он, выпуская когти. – А если б интересовался, вы не в моем вкусе». Лучась добродушной улыбкой, я пояснил, что в таком случае роли ему не видать как своих ушей. Когти были втянуты так стремительно, что даже мне стало за него неловко. «Покатили», – выдохнул он, то ли с искренним, то ли с напускным безразличием. Он строил карьеру. Это была ступень. Эпизод, который предстояло сыграть ночью в спальне на пятнадцатом этаже. Помигивающий «Блэкберри» на ночном столике, искусственный загар и депилированный анус, дилер в Долине, который так и не материализовался, пьяные жалобы на необходимость продать «ягуар» – все настолько банально, что подробности тут же стерлись из памяти. Сегодня на пробах этот же актер отрывисто мне улыбнулся, первый раз читал слабо, второй – чуть лучше. Если мы оказывались на одной вечеринке или в одном ресторане, он тщательно меня избегал, хотя, когда его девушка (актриса, на которую я запал) умерла от передоза лекарств, я ему позвонил и выразил соболезнования. Она успела засветиться в небольшой роли в популярном сериале, поэтому ее смерть не прошла незамеченной.

– Ему уже двадцать четыре, – сопротивляется Джейсон.

– А на вид еще совсем птенчик.

Режиссер упоминает сплетни о якобы нетрадиционной сексуальной ориентации Клифтона: страничка на порносайте (столетней давности) с предложением эскорт-услуг, слух о его любовной связи с известным актером, их рандеву в Санта-Барбаре и опровержение Клифтона из статьи в журнале «Роллинг стоун», посвященной выходу нового фильма известного актера (с портретом последнего на обложке), в котором у Клифтона небольшая роль: «Таких натуралов, как мы, еще поискать».

– Он совсем не похож на гея, – говорит режиссер. – Во всяком случае, внешне.

Затем мы переключаемся на девушек.

– Кто у нас следующий?

– Рейн Тёрнер, – говорит кто-то.

Почти автоматически перестаю стирать бесчисленные СМС от Лори и тянусь к названному портфолио. В ту минуту, когда поддвигаю папку к себе, в зал

входит девушка с веранды дома Трента и Блэр в Бель-Эйр, и мне стоит немалых усилий себя не выдать. Голубые глаза, светло-голубая блузка с треугольным вырезом, темно-синяя мини-юбка – все в тему: атрибутика восьмидесятых, то, что надо для фильма. Торопливо представившись, она начинает читать (плохо, наигранно, монотонно, режиссер то и дело прерывает и показывает, как надо), но происходит нечто помимо чтения. Она задерживает на мне взгляд, и я не отвожу свой, так всегда начинается, а продолжение известно. «За что ты меня ненавидишь?» – доносится до меня чей-то истерзанный голос. «Что я тебе сделала?» – чудится мне чей-то крик.

* * *

Во время пробы открываю лэптоп и нахожу страничку Рейн Тёрнер на IMDB[24 - Internet Movie Database (www.imdb.com) – база данных, содержащая основные сведения о работниках киноиндустрии.]. Теперь она пробует читать от лица другой героини, и я с ужасом понимаю, что повторного приглашения ей не светит. Таких, как Рейн, сотни, юных и непорочных, свежесть – их единственный козырь, во что они превращаются дальше, лучше не знать. Все это очевидно, тысячу раз пройдено, но снова словно впервые. Внезапно приходит СМС «Quien es?»[25 - Кто это? (исп.)], и я не сразу догадываюсь, что оно от той девушки, к которой клеился в баре для пассажиров первого класса перед вылетом из Нью-Йорка. Подняв глаза, впервые вижу белую искусственную елку, стоящую у бассейна (как я ее раньше не замечал?!), и кусок стены с афишей фильма «Бульвар Сансет»[26 - Американская нуар-драма 1950 г. о трагедии забытых звезд киноэкрана. Постановщик Билли Уайлдер, в ролях Уильям Холден, Глория Свенсон, Эрих фон Штрогейм. Фильм номинировался на одиннадцать «Оскаров» и получил три.], вписанный вместе с елкой в проем окна.

* * *

Провожая Рейн до машины, которую она бросила на бульваре Вашингтон.

– Вот, значит, в какой фильм вы меня приглашали, – говорит она.

– Возможно, – говорю. – Я думал, не узнали меня.

– Узнала, конечно.

- Польщен, - делаю паузу перед решительным наступлением. - А к продюсеру чего не подкатила? Он ведь тоже был на той вечеринке.

Она изображает изумление, затем заносит руку, точно хочет меня ударить. Я испуганно отстраняюсь, подыгрывая.

- Вы всегда девушкам гадости говорите или только на голодный желудок? - спрашивает. - Офигеть ваще.

Она прелестна, но прелесть кажется почему-то отрепетированной, наносной. И удивление невинной улыбки - неискренним, маскирующим умудренность.

- Там и режиссер был, - подначиваю.

Смеется:

- Режиссер женат.

- Да, но жена в Австралии.

- Говорят, он девочками не интересуется, - театрально шепчет она.

- А я, значит, самое то, что нужно? - говорю.

- В смысле? - уточняет, чтобы не выдать легкого замешательства.

- Влиятельный сценарист, - подсказываю насмешливо.

- Вы еще и продюсер.

- Ах да, в самом деле, - говорю. - Вы какую роль предпочитаете?

- Мартины, - говорит Рейн, мгновенно становясь серьезной. - По-моему, по темпераменту она мне больше подходит, да?

Когда останавливаемся у машины, мы уже на «ты», и я знаю про квартиру на авеню Орендж-Гроув (заезд с Фаунтен), которую она снимает пополам с подругой, что значительно упрощает переговоры. Сделка прозрачная, никаких недомолвок: девушка умело торгуется, и мне это нравится. В каждой фразе море сигналов. Я ловлю их и понимаю, что в ее арсенале множество масок. Но какая на ней сейчас? И в какой окажется, когда сядет за руль зеленого «БМВ» с пижонским именованным номером «НАВАЛОМ»? В какой придет в спальню в комплекс «Дохини-Плаза»?

Мы обмениваемся телефонами. Она надевает темные очки.

- Ну и какие у меня шансы? - спрашивает.

- Думаю, - говорю, - я не прогадал.

- Откуда ты знаешь, что не прогадал? - спрашивает. - Я не каждому по зубам.

- У меня крепкие зубы, - говорю.

- А где гарантия, что ты не псих? - спрашивает. - Вдруг ты меня покусает?

- Вот и проверишь.

- Мои координаты у тебя есть, - говорит. - Я подумаю.

- Рейн, - говорю. - Это ведь вымышленное имя.

- Какая разница?

- Подозреваю, что вымышлено не только оно.

- Это потому что ты писатель, - говорит. - Ты вымыслом зарабатываешь.

- И что?

- А то, - пожимает плечами. - Я заметила: все писатели такими вещами грузятся.

– Какими вещами?

Она садится в машину.

– Такими.

* * *

Доктор Вульф ведет прием в неприметном офисном здании на бульваре Сотель. Он мой ровесник, и его пациенты в основном актеры и сценаристы: триста долларов за сеанс частично компенсируются медицинской страховкой Гильдии сценаристов. Я пришел к нему прошлым летом по рекомендации актера, которого он уже второй раз вытаскивал из депрессии, вызванной затянувшимся простоем в работе, и было это в июле, когда стало ясно, что из-за стресса после разрыва с Меган Рейнольдс начинаю слетать с катушек, и уже на первом сеансе доктор Вульф не дал мне зачитать вслух сохранившиеся в айфоне мейлы Меган, а предложил упражнение под названием «Инверсия желания» («Я хочу боли, я люблю боль, боль освобождает»), и однажды в августе я в бешенстве вылетел из его кабинета посреди сеанса, домчал до бульвара Санта-Моника, бросил машину на пустой стоянке кинотеатра «Нуарт» и посмотрел заново отреставрированную копию «Презрения»[27 - Le Mepris (1963) – фильм Жан-Люка Годара.] – сидел, развалившись в кресле первого ряда, методично закидывая в рот леденцы из купленной в буфете коробки, а потом, выйдя из кинотеатра, долго пялился на электронный рекламный щит над стоянкой, на его цветное изображение: разобранный кровать, скомканные простыни, свет, частично выхватывающий из темноты обнаженное тело, белые буквы «Гельветики», словно подпирающие его изящный изгиб.

* * *

Свои фотографии (сразу обнаженку) Рейн посылает мне в тот же день вечером (я не ожидал, что так быстро), и они двух видов: либо художественные и скучные (сепия, размытость, вычурность поз), либо похабные и возбуждающие (на чьем-то балконе, расставив ноги, с мобильником в одной руке и незажженной сигаретой – в другой; стоя возле матраса, застеленного синей простыней, в безымянной спальне, пальцы веером по низу живота), но в каждом

снимке – приглашение, за каждым – наивная вера в то, что оголение способно принести славу. На коктейле в номере «люкс» отеля «Шато Мармон»[28 - Легендарная гостиница на бульваре Сансет в Голливуде. Построена в 1929 г. в стиле французского замка XVIII в.] (закрытом для прессы: при входе пришлось подписать соглашение о конфиденциальности) все разговоры кажутся пустыми и пресными по сравнению с тем, что сулят эти снимки. В снимках – нерв, неизбежность, которых не встретить в комнатах с окнами на бульвар Сансет. Знакомые реплики («Как продвигаются “Слушатели”?», «Целых четыре месяца в Нью-Йорке?», «Почему ты так похудел?»), подаваемые знакомыми действующими лицами (Пирсом, Ким, Аланой), – с таким же успехом они могли разговаривать со стеной; и мои ответы («Да, нас предупредили про голые тела на экране», «Нью-Йорк утомляет», «Сменил тренера, йога»), вызывающие не больший интерес, чем отдаленное птичье щебетанье. Это последняя вечеринка перед всеобщим разездом на рождественские каникулы, и я слышу названия известных курортов на Гавайях, в Аспене, и в Палм-Спрингсе, и разных частных островов, а устраивает ее английский актер, живущий в отеле (он сыграл злодея в фильме по знаменитому комиксу, который я адаптировал для кино). Из динамиков грохочет «Werewolves of London»[29 - «Оборотни Лондона» – знаменитый хит автора-исполнителя Уоррена Зивона с его альбома «Excitable Boy» (1978).], на телеэкранах бесконечно повторяется один и тот же фрагмент прошлогодней оscarовской церемонии в кинотеатре «Кодак».

По городу стремительно разлетелась жуткая весть об убийстве юной актрисы-латинос, чье тело якобы обнаружилось в общей могиле по ту сторону границы с Мексикой, и это якобы дело рук наркокартеля в Тихуане[30 - Город на северо-западе Мексики. Отделен от американского города Сан-Диего государственной границей.]. Все тела в яме изуродованы до неузнаваемости. У всех вырезаны языки. В пересказе история обрастает совсем уж нелепыми подробностями: появляется цистерна с кислотой, в которой найдены разжиженные человеческие останки. А тело латинос теперь подбрасывают к зданию начальной школы как предупреждение или в насмешку. Когда я в очередной раз просматриваю снимки Рейн, отправленные с адреса allamericangirlUSA@earthlink.net (тема: «привет крейзи, зажжем что ли»), приходит очередное сообщение с заблокированного номера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/bret-ellis/ampirnye-spalni/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

1

«Beyond Belief» – первая песня альбома «Imperial Bedroom» («Ампирная спальня», 1982) английского певца и композитора Элвиса Костелло. (Здесь и далее прим. переводчика.)

2

Перевод М. Шатерниковой.

3

«You Little Fool» («Глупыш») и «Man Out of Time» («Тот, чье время истекло») – песни Элвиса Костелло с альбома «Imperial Bedroom» («Ампирная спальня», 1982); «Watch Your Step» («Будь осторожен») – с альбома «Trust» («Вера», 1981).

4

«Ты и впрямь решил меня обидеть?» – третий сингл британской группы Culture Club в исполнении солиста Бой Джорджа; выпущен в 1982 г. и принес группе мировую известность.

5

Один из старейших и наиболее престижных университетов США. Как и вымышленный Кэмденский колледж, находится на Восточном побережье, в городе Провиденс, штат Род-Айленд.

6

Один из благополучных пригородов Лос-Анджелеса по соседству с Голливудом.

7

Элитный жилой комплекс в Уэст-Голливуде.

8

Комплекс гостиничного типа, сдающий меблированные комнаты и коттеджи на длительный срок.

9

Улица, расположенная на вершине одного из холмов в Уэст-Голливуде.

10

Гигантский торгово-выставочный комплекс в центре Уэст-Голливуда. Состоит из двух зданий, названных по цвету стеклянных панелей, из которых они построены: Синий центр и Зеленый центр.

11

Сеть элитных спортивных залов по всей Америке.

12

Снотворный препарат, отпускающийся только по рецепту.

13

По времени Нью-Йорк на три часа «опережает» Лос-Анджелес.

14

«Голоден как волк» – песня группы Duran Duran с альбома «Rio» (1982), их первый американский хит.

15

Отель «Рузвельт» открылся в 1927 г. Известен, прежде всего, тем, что в нем проходила первая церемония вручения премии «Оскар».

16

Район Беверли-Хиллз, где все улицы носят названия птиц.

17

Линия модной одежды дизайнера Скотта Штернберга.

18

Бар в отеле «Беверли-Хиллз», известный тем, что там всегда можно встретить какую-нибудь голливудскую знаменитость.

19

Популярный ресторан французской кухни в Уэст-Голливуде.

20

Один из ближних пригородов Лос-Анджелеса.

21

Бар и ресторан на бульваре Санта-Моника в Уэст-Голливуде. В прошлом – центр притяжения голливудских звезд, ныне больше притягивает туристов.

22

Бруклинская рок-группа, известная пронзительной лиричностью своих песен.

23

Рассказчик ослышался. В действительности солист группы Мэтт Берингер поет: «...осилишь ты, хулиган...» Цитируется песня «Racing Like a Pro» с альбома «Boxer» (2007).

24

Internet Movie Database (www.imdb.com) – база данных, содержащая основные сведения о работниках киноиндустрии.

25

Кто это? (исп.)

26

Американская нуар-драма 1950 г. о трагедии забытых звезд киноэкрана. Постановщик Билли Уайлдер, в ролях Уильям Холден, Глория Свенсон, Эрих фон Штрогейм. Фильм номинировался на одиннадцать «Оскаров» и получил три.

27

Le Mepris (1963) – фильм Жан-Люка Годара.

28

Легендарная гостиница на бульваре Сансет в Голливуде. Построена в 1929 г. в стиле французского замка XVIII в.

29

«Оборотни Лондона» – знаменитый хит автора-исполнителя Уоррена Зивона с его альбома «Excitable Boy» (1978).

30

Город на северо-западе Мексики. Отделен от американского города Сан-Диего государственной границей.

1

Жанр кино (как правило, порно), одним из главных элементов которого являются реалистично снятые (или документально зафиксированные) пытки и настоящее (или неотличимое от настоящего) убийство одного или нескольких героев. Родоначальником жанра считается фильм «Резня» (Slaughter, 1976), создателей которого обвиняли в убийстве актрисы в финальной сцене. Действие первого романа Эллиса, к которому апеллирует герой, происходит в начале 1980-х годов, то есть на пике популярности снафф-фильмов.

2

«Я люблю Лос-Анджелес» – хит американского певца, аранжировщика, композитора и пианиста Рэнди Ньюмена. Впервые появился в 1983 г. на альбоме «Trouble in Paradise» («Неприятности в раю»). Одни считают песню «I Love L. A.» гимном городу, другие – тонкой насмешкой над «калифорнийским» образом жизни.

3

Рой Орбисон (1936–1988) – американский музыкант, пионер рок-н-ролла. Известен сложными музыкальными композициями и мрачными эмоциональными балладами. На саундтреке к фильму *Less Than Zero*, о котором здесь идет речь, исполнял песню Гленна Данцига «Life Fades Away».

4

Joshua Tree National Park – часть пустыни Мохаве у южной оконечности хребта Сьерра-Невада (общей площадью около 226 тыс. га). Главная достопримечательность парка – растущая на всем его протяжении юкка коротколистная (по-англ. «Джошуа три») – небольшие (высотой 5–6 м) деревья с толстым изогнутым стволом и голыми причудливыми ветвями, которые заканчиваются пучком длинных, похожих на иглы листьев.

5

«Китайский театр Граумана» – кинотеатр на бульваре Голливуд, построенный в 1927 г. импресарио Сидом Грауманом; в нем традиционно проходят важные премьеры, перед ним расположена знаменитая «Аллея славы» с отпечатками рук или ног кинозвезд.

Купить: <https://telnovel.com/ru/bret-ellis/ampirnye-spalni-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)